

УДК 111.8:117

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА ОПЫТА:
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ РАКУРСА. А. Мёдова^{1,2}

Статья посвящена разработке проблемы возможности опыта в рамках трансцендентального идеализма. В классической постановке Канта эта проблема касается корреляции априорных структур разума с реальностью. Автор ставит вопрос об условиях возможности опыта в альтернативном ключе — как вопрос об условиях его единства, оставаясь при этом в рамках трансцендентального идеализма. Задача исследования — продемонстрировать, каким образом проблема единства опыта пронизывает проблему трансцендентальных условий его возможности. На основе переписки Канта, «Критики чистого разума», «Прологоменов...» и ряда современных концепций сознания производится реконструкция трансцендентальной модели опыта в аспекте условий его связности. Эта модель включает систематическое единство свойств предметов, выступающее обратной стороной рационального единства познающего их рассудка. Немаловажными условиями единства опытных данных служат их связность в силу однородности времени и пространства (неэмпирическое созерцание) и организующая работа априорных форм чувственности, создающая последовательность и рядоположенность явлений. Как более сложное, синтетическое условие единства опыта описана активность трансцендентальных схем; в качестве превращенных форм пространственно-временных представлений они опосредуют категории и явления, будучи «однородными» и с теми, и с другими. На вершине рассудочной деятельности находится наиболее проблематичный

¹ Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнёва, Россия, 660049, Красноярск, просп. им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31.

² Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89. Поступила в редакцию: 01.02.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2025-2-1

THE PROBLEM OF THE UNITY
OF EXPERIENCE FROM THE
TRANSCENDENTAL PERSPECTIVEA. A. Medova^{1,2}

This article is devoted to the problem of the possibility of experience in transcendental idealism. In its classical formulation by Kant, the problem pertains to the correlation between a priori structures of reason and reality. I approach the question of the conditions of the possibility of experience in an alternative way, i.e. as a question about the conditions of its unity, while remaining within the framework of transcendental idealism. The purport of this investigation is to demonstrate how the problem of the unity of experience permeates the problem of the transcendental conditions of its possibility. Proceeding from Kant's correspondence, the Critique of Pure Reason, Prolegomena to Any Future Metaphysics, and some modern conceptions of consciousness, I reconstruct the transcendental model of experience in terms of the conditions of its coherence. This model includes the systematic unity of the properties of objects, which is the flip side of the rational unity of cognizing reason. Important conditions of the unity of experiential data are their connectedness due to the homogeneity of time and space (non-empirical intuition), and the organizing work of the a priori forms of sensing, which creates the sequence and coordination of phenomena. The activity of transcendental schemes is described as a more complex, synthetic condition of the unity of experience; as modified forms of spatio-temporal representation, they mediate categories and phenomena, being "homogeneous" with both. At the top of the

¹ Reshetnev Siberian State University of Science and Technology.

31 Prospect named after the Newspaper "Krasnoyarsk Worker", Krasnoyarsk, 660037, Russia.

² Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev.

89 Ada Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russia.
Received: 01.02.2024.

doi: 10.5922/0207-6918-2025-2-1

уровень единства опыта, на котором созерцания упорядочиваются действием априорных категорий. Как оригинальные, выходящие за пределы гносеологической проблематики осмысливаются следующие условия однородности опыта: 1) однородность сознания внешних вещей и самосознания и 2) единство опыта, задаваемое конечными целями чистого применения нашего разума. В заключение в качестве ключевой и наиболее показательной для трансцендентальной философии предпосылки однородности опыта выделяется гипотеза Канта о трансцендентальном средстве явлений, создающем однородность ментальных актов и объективной реальности.

Ключевые слова: Кант, условия возможности опыта, априорные формы чувственности, трансцендентальные категории, трансцендентальный субъект

1. Введение

Кантовский принцип, ныне ставший общепризнанным, таков: чтобы изучить разум, нужно вывести условия, необходимые для получения опыта (Brook, Wuerth, 2023). Работы Канта открывают новый, трансцендентальный этап разработки проблемы опыта, формулируемой им как проблема корреляции между принципами разума и эмпирическими данными. Кант создал трансцендентальную метафизику опыта, претендующую на переосмысление нормы, согласно которой мы придаем объекту статус реальности (Mazijk, 2020, p. 25). Однако Кант также разработал критическую философию, которая не может, в отличие от экспериментальной науки, наслаждаться «достоверным шагом». В основе его метафизики опыта лежит ключевая проблема — условий возможности последнего, которая приводит к условиям возможности самой метафизики. Суть этой проблемы в том, что принципы познания должны формироваться опытом, но опыт невозможен, если ему не предпосланы принципы познания.

Цель статьи — рассмотреть эту основополагающую кантовскую проблему в новом ракурсе, в котором главной предпосылкой возмож-

activity of reason is the most problematic level of the unity of experience, on which intuitions are ordered in accordance with a priori categories. The following conditions of the homogeneity of experience are assessed as being original and going beyond the epistemological problematics: 1) the homogeneity of the consciousness of external things and self-consciousness, and 2) the unity of experience created by the end-goals of the pure application of reason. In conclusion, I examine Kant's hypothesis that the transcendental affinity of phenomena creates the homogeneity of mental acts, and that objective reality is the key and most telling prerequisite of the homogeneity of experience.

Keywords: Kant, conditions of the possibility of experience, a priori forms of sensibility, transcendental categories, transcendental subject

1. Introduction

The now universally accepted Kantian principle reads: in order to study reason, the conditions of experience must be established (Brook and Wuerth, 2023). Kant's works mark a new, transcendental stage of the study of the problem of experience, which he views as the problem of correlation between the principles of reason and empirical data. Kant created a transcendental metaphysics of experience which claims to revise the norm whereby we grant an object the status of reality (Mazijk, 2020, p. 25). But Kant also developed a critical philosophy which, unlike experimental science, cannot be content with "an authentic step". The key problem of his metaphysics of experience is the conditions of the possibility thereof, which leads to the conditions of the possibility of metaphysics itself. The core of the problem is that the principles of cognition should arise from experience, but experience is impossible unless it is premised on the principles of cognition.

This article purports to look at this underlying Kantian problem from a new angle, in which the main prerequisite of the possibility of

ности опыта является его единство. Эта смена ракурса продуктивна для разработки проблемы опыта: сохраняя специфику и острую проблематичность ее трансцендентальной постановки, она позволяет исследовать проблему в более широком контексте, учитывая результаты других направлений исследования сознания — феноменологии, когнитивной психологии, аналитического кантоведения и даже антитрансцендентализма. Мы намерены последовательно выявить все возможные подходы к интерпретации единства опыта, которые «свернуть» в трансцендентальном идеализме Канта, сохраняя при этом аутентичную кантовскую установку, то есть постоянно удерживая в поле внимания проблематичность самой возможности опыта. В итоге мы намерены показать, что предпосылкой проблемы возможности опыта в трансцендентальной философии выступает сама природа его организации, а именно необходимость его единства, из которого следуют такие его качества, как связность, упорядоченность и однородность.

Оттолкнувшись от кантовской постановки проблемы условий возможности опыта (2), исследование будет разворачиваться от общего к частному. Мы рассмотрим вначале предельно общие условия единства опыта трансцендентального субъекта (3): когнитивное (систематическое рациональное единство познавательных способностей) и телеологическое (интерес к осуществлению сущностных целей разума). Зафиксировав проблематичность этих предпосылок, мы перейдем к анализу более конкретных форм единства опыта, сконцентрировавшись на причинах его связности и упорядоченности (4), которые, как мы покажем, интегрированы в проблему условий возможности опыта. Поиск причин проблематичности опыта в контексте кантовского метода приведет нас к сущностным положениям трансцендентальной философии (5), из которых становится возможным переход к разработке тезиса об однородности опыта как его ключевом ус-

experience is its unity. This change of perspective helps to advance the study of the problem of experience: while preserving the specificity and problematic character of the transcendental approach to the problem, it makes possible its study in a broader context, taking into account the results of other areas of the study of consciousness such as phenomenology, cognitive psychology, analytical Kant scholarship, and even anti-transcendentalism. I propose, sequentially, to reveal all the possible approaches to the interpretation of the unity of experience, which are “compressed” in Kant’s transcendental idealism, while sticking to authentic Kantian principles and keeping in mind that the possibility of experience is itself a problem. I intend to show that the prerequisite of the possibility of experience in transcendental philosophy is the nature of its organization — that is, the necessity of its unity, its orderliness, and homogeneity.

Proceeding from the Kantian view of the problem of the conditions of the possibility of experience (2), I propose to go from the general to the particular. I will first look at the most general conditions of the transcendental subject (3): cognitive (the systematic rational unity of cognitive faculties) and teleological (the concern with finding the essential goals of reason). After illustrating the problematic character of these prerequisites, I will move on to the analysis of more concrete forms of the unity of experience, focusing on the causes of its coherence and orderly character (4) which, as I will show, are integrated with the problem of the conditions of the possibility of experience. The search for the causes of the problematic character of experience in the context of the Kantian method will lead us to the substantive propositions of transcendental philosophy (5), from which it will be possible to pass on to the thesis about the homogeneity of experience as its key

ловии (6—8). Итогом исследования станет выделение и проблематизация восьми различных условий единства опыта, которые прослеживаются в философии Канта, из них как наиболее показательное для трансцендентальной парадигмы будет осмыслено эмпирическое и трансцендентальное средство явлений.

2. История проблемы условий возможности опыта

Взаимосвязь воспринимаемого и умопостигаемого миров была одной из главных тем исследований Канта. Его нарастающий интерес к этой проблеме прослеживается в переписке начиная с письма к Мендельсону от 8 апреля 1766 г. Здесь Кант формулирует ее как вопрос о возможности опытного знания о природе души, которого было бы «достаточно для того, чтобы исходя из него познать, каким образом она присутствует в мировом пространстве как в отношении материи, так и в отношении существ одинаковой с ней природы...» (AA 10, S. 68; Кант, 1980а, с. 517). Кант предполагает, что особого внимания заслуживает вопрос восприятия. Способность восприятия извне у человека должна быть особенной, так как человеческое существо представляет собой особый вид соединения разума с биологическим телом. Затруднения видятся Канту в том, что восприятие связано с телесной деятельностью столь же явно, как и с деятельностью разума. Следовательно, если мы хотим познать восприятие как внешнюю силу или способность человека, нужно принять во внимание отношения души и тела. Но последние есть отношения внутреннего к внешнему, то есть состояния души, мышления и желания к состоянию телесной материи. Из этого положения не видится возможности занять другую познавательную позицию и перейти к отношению воспринимающего и объектов восприятия, которые философ характеризует как отношение внешнего к внешнему. Кант пытается посредством умоза-

condition (6—8). The outcome of the study will be the identification and problematization of eight conditions of the unity of experience that are traceable in Kant's philosophy, of which the empirical and transcendental affinity of phenomena will be discussed as being the most characteristic of the transcendental paradigm.

2. The History of the Problem of the Conditions of Possibility of Experience

The interconnection of the perceived and intelligible worlds was a key problem of Kant's research. His growing interest in this problem can be traced from his correspondence, beginning in his 8 April 1766 letter to Mendelssohn in which he frames the question of the possibility of experiential knowledge in terms of the nature of the soul that would be "sufficient to inform us of the manner in which the soul is present in the universe, how it is linked both to matter and to beings of its own sort" (*Br*, AA 10, p. 68; Kant, 1999, p. 92). For Kant, the question of perception merits particular attention. The human faculty to perceive the external must be special because the human being is a peculiar connection of reason with a biological body. Kant sees problems here, in that perception is as obviously linked with bodily activity as it is with the activity of the mind. Consequently, if we want to study perception as an external force or human faculty, we have to take into account the relations between the soul and the body. But these are relations of the internal to the external, i.e. the state of the soul, thinking, and volition to the state of matter. From this provision Kant sees no way of taking a different cognitive position and moving on to the relation between the subject and object of perception, which he describes as the relation of the external to the external. Kant tries through

ключений найти источник или силу внешнего воздействия предметов на нас и приходит к выводу, что это невозможно, поскольку эти силы не даны в опыте (AA 10, S. 69; Кант, 1980а, с. 517).

Постепенно ракурс заявленной проблемы меняется. В конце 1773 г. Кант пишет Маркусу Герцу, что исследования того, каким образом осуществляется связь между органами тела и мыслями, с его точки зрения, совершенно бессмысленны и в них нет никакой необходимости (AA 10, S. 138; Кант, 1980г, с. 535). Акцент переносится на другую проблему: необходимо отчетливо понимать различия между субъективными принципами чувственности и рассудка и формами непосредственной направленности сознания на предметы. Обращаясь к Герцу в письме от 7 июня 1771 г., он называет это различие основным правилом философских исследований и ожидает от его применения больших плодов. Оно позволит выявить «отношение основных понятий и законов, которые определяют чувственно воспринимаемый мир, а также наметить в общих чертах то, что составляет сущность учения о вкусе, метафизике и морали» (AA 10, S. 117; Кант, 1980б, с. 524).

Пройдя сквозь целый ряд писем к Линднеру, Гердеру, Мендельсону, Герцу, проблема взаимосвязи познающего разума и познаваемых объектов наконец кристаллизуется в знаменитом вопросе, заданном в письме к Маркусу Герцу от 21 февраля 1772 г.: «...на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?» (AA 10, S. 124; Кант, 1980в, с. 527). Речь здесь идет, выражаясь языком «Критики чистого разума», о координации априорных схем, категорий и форм чувственности с познаваемой предметностью. На чем основана корреляция представлений и объектов этих представлений, если принципы образования представлений априорны? Или, иначе, почему наше понимание принципов познания является одновременно пониманием объектов познания? (Allais, 2015, p. 186).

inferences to find the source or force of the external action of objects on us, and comes to the conclusion that this is impossible because these forces are not given to us in experience (*Br*, AA 10, p. 69; Kant, 1999, p. 92).

Gradually, the focus changes. In late 1773, Kant writes to Markus Herz that it is meaningless and unnecessary to study the connection between bodily organs and thoughts (*Br*, AA 10, p. 138; Kant, 1999, p. 141). The emphasis shifts to a different problem: it is necessary to clearly understand the differences between the subjective principles of sensibility and reason, and the forms of directedness of consciousness toward objects. In a letter to Herz of 7 June 1771, he describes this distinction as the main rule of philosophical inquiry, an approach which he expects to yield bountiful fruit. It may help to reveal “the foundational principles and laws that determine the sensible world together with an outline of what is essential to the Doctrine of Taste, of Metaphysics, and of Moral Philosophy” (*Br*, AA 10, p. 117; Kant, 1999, p. 127).

Having gone through a series of letters to Linder, Herder, Mendelssohn, and Herz, the problem of the connection between the cognizing mind and the cognized objects finally jells into the famous question asked of Herz in a 21 February 1772 letter: “What is the ground of the relation of that in us which we call ‘representation’ to the object?” (*Br*, AA 10, p. 124; Kant, 1999, p. 133). To use the language of the *Critique of Pure Reason*, this is about the coordination of *a priori* schemes, categories, and forms of sensibility with the objective world being cognized. What is the ground of the correlation of representations and their objects if the principles of forming these representations are *a priori*? To put it in another way, why is our understanding of the principles of cognition simultaneously understanding of the objects of cognition? (Allais, 2015, p. 186).

Таким образом формируется направление поиска онтогносеологических условий возможности опыта. Один из первых его результатов — латинская диссертация «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» (1770). Затем решение проблемы условий опыта Кант предлагает в «Критике чистого разума», «Прологоменах ко всякой будущей метафизике», оттачивает в последующих «Критиках». С того момента, как Кант выявил данную проблему, она становится лейтмотивом его исследований, преломляющимся в другом ключевом вопросе — «как возможны априорные синтетические суждения?».

3. Единство опыта как условие его возможности

Единство атрибутивно для опыта. Уже перцептивный уровень восприятия ангажирован единством многообразного, и это единство столь радикально, что для субъекта все время длится только *один опыт*. Если исходить из этого сущностного единства — это путь, которым идет феноменология, — можно прийти к парадоксальным выводам. Так, Дж. П. Мануссакис, исследуя феномен сакрального, утверждает, что все феномены в равной степени сакральны, поскольку человек не может иметь разные типы опыта: «Все явления религиозны, ибо никакое исключение не может быть оправдано, и, следовательно, всякая философия есть философия религии, если ее еще хотят так называть. Мы говорим здесь не об аналогичных переживаниях, а скорее о “радикальной общности”, по выражению Гуссерля, между объектами опыта» (Manoussakis, 2019, p. 44).

Единство опыта также выступает важным пунктом кантовской теории, причем связь знаменитого вопроса Канта об условиях возможности опыта с требованием его единства прослеживается уже в первом приближении. Для того чтобы опыт состоялся, необходимо соблю-

This shows the direction of the search for on-to-epistemological conditions of the possibility of experience. One of its early results is the Latin dissertation, *On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World* (1770). Subsequently, Kant offers a solution to the problem of the conditions of experience in *Critique of Pure Reason*, *Prolegomena to Any Future Metaphysics*, and gives it the final touches in the later *Critiques*. From the moment Kant articulates the problem it becomes the leitmotif of his research, which is reflected in another key question: “how are *a priori* synthetic judgments possible?”

3. The Unity of Experience as the Condition of its Possibility

Unity is an attribute of experience. Already the perceptive level of perception is engaged with the unity of the manifold, the unity being so radical that for the subject only *one experience* lasts all the time. If one proceeds from this essential unity — the path followed by phenomenology — one may come to paradoxical conclusions. For example, John Panteleimon Manoussakis (2019, p. 44), investigating the phenomenon of the religious, the sacred, maintains that “All phenomena are religious for no exclusion can be justified, and therefore all philosophy is a philosophy of religion, if one still wishes to designate it so. We are not talking here of analogous experiences, but rather of ‘a radical community’ — to use Husserl’s phrase — between the objects of experience.”

The community of experience is also an important requirement of Kant’s theory, where the link to Kant’s famous question about the conditions of the possibility of experience is apparent at once. For an experience to happen, at least two conditions must be met: 1) all possible phenomena should be together in one experience and 2) all these representations should be connected according to laws (*KrV*,

дение как минимум двух условий: чтобы все возможные явления могли находиться вместе в одном опыте и 2) чтобы все эти представления были связаны согласно законам (A 108). Отсюда следует ключевое требование Канта к возможности опыта — подведение представлений под законы, то есть «совместимость» созерцаний и априорных категорий. И конечно, предельное условие опыта — это сообщаемость объективной и субъективной реальности, границы последней из которых также основательно осмыслены Кантом.

Обращает на себя внимание, что Кант не фиксирует субъектность как условие опыта. Трансцендентальное единство апперцепции не является формой самоидентичности, поэтому оно не может играть эту роль. Тождество апперцепции есть синтез многообразного, а именно способность присоединять одно представление к другому (B 133). Оно есть, скорее, формальное единство, универсальный акт суждения, необходимый для того, «чтобы единый ум мог перемещаться по ряду представляемых элементов и осознавать их как один объект» (Brook, 1994, p. 131). В целом же «субъект, которому принадлежит мышление, обозначается посредством Я, сопутствующего всякой мысли, только трансцендентально, так что мы не воспринимаем никаких свойств его и вообще ничего не знаем о нем и не представляем его» (A 355; Кант, 1999, с. 320).

Тот факт, что Кант не полагает субъектность условием опыта, объясняется, на наш взгляд, просто: дискурс субъекта, как мы его сейчас представляем, тогда еще не появился на свет. Тем не менее П. Ф. Стросон считает это лакуной у Канта. Для полноты условий опыта 1) нужна возможность проводить различие между объектами и восприятиями объектов, то есть нужна ссылка на отделимый компонент субъективного опыта в любом конкретном объективном суждении об опыте; 2) субъект опыта должен иметь свою форму идентичности, а именно —

A 108). From this follows Kant's key requirement for the possibility of experience: representations should conform to laws, that is, the "compatibility" of intuitions and *a priori* categories. And, of course, the ultimate condition of experience is the link between objective and subjective reality, the boundaries of the latter having been thoroughly delineated by Kant. It is noteworthy that Kant does not name subjectivity as a condition of experience. The transcendental unity of apperception is not a form of self-identity and, for that reason, cannot play that role. Rather, the unity of apperception is a synthesis of the manifold, i.e. the capacity to add one representation to another (*KrV*, B 133). It is a formal unity, the universal act of judgment needed "for a single mind to range over a number of represented elements and be aware of them as one object" (Brook, 1994, p. 131). On the whole, "the subject of inherence is designated only transcendentially through the I that is appended to thoughts, without noting the least property of it, or cognizing or knowing anything at all about it" (*KrV*, A 355; Kant, 1998, p. 419).

The fact that Kant does not posit agency as a condition of experience is easy to explain: the discourse of the subject, as we think of it today, had not yet come into being. Nevertheless Peter F. Strawson considers it to be an omission on Kant's part. The full conditions of experience require 1) the possibility of drawing a distinction between objects and perceptions of objects, i.e. there should be a reference to a detachable component of subjective experience within any concrete objective judgment about experience; 2) the subject of experience should have its own form of identity — namely, it should be able to ascribe experiences to itself. An adequate explication of experience would point out the full conditions of the possibility of ascribing experiences to oneself, including the existence of

должен быть способен приписывать себе свои переживания. Адекватное объяснение опыта заключалось бы в указании на полные условия возможности самоприписывания переживаний, включая существование субъекта как созерцаемого объекта в мире (Strawson, 1966, p. 63–64, 76). Иными словами, чтобы объяснить, как возможен опыт, нужно объяснить, почему субъект наделяет его статусом *своего опыта*.

Но кантовская модель ориентирована иначе — его интересует прежде всего структурное и качественное единство ментальных содержаний как предварительное условие применимости априорных понятий к созерцаниям. Можно сказать, что условие единства опыта представляется Канту более существенным, нежели условие его субъектности. Идея единства эксплицируется им на разных уровнях, чаще всего в контексте единства познавательных способностей. Кант, в частности, допускает, что свойства предметов, в равной мере как и природа познающего их рассудка, сами по себе предназначены к систематическому единству, поэтому все результаты познания подчинены общим принципам, из которых они могут быть выведены. Это утверждение он называет *трансцендентальным основоположением разума* (A 648 / B 676). Почему к систематическому рациональному единству предназначены свойства предметов — это проясняет тезис Канта «условия *возможности опыта* вообще суть вместе с тем условия *возможности предметов опыта*...» (B 197; Кант, 1999, с. 188). То есть речь здесь идет не о предмете как таковом, а о *предмете опыта*.

Есть еще один ракурс, в котором можно мыслить единство опыта, — телеологический, в свете конечных целей чистого разума. Как отмечает Л. Юпи, архитектурный проект разума и необходимость осмысления опыта как систематического целого неразрывно связаны у Канта с интересом к осуществлению сущностных целей разума. Опыт может быть объединен в одно систематическое целое толь-

the subject as an observable object in the world (Strawson, 1966, pp. 63-64, 76). In other words, to explain how experience is possible, it is necessary to explain why the subject invests it with its *own experience*.

But Kant's model has a different purpose; he is interested first and foremost in the structural and qualitative unity of mental contents as a preliminary condition of applicability of *a priori* concepts to intuitions. It can be said that Kant considers the unity of experience to be more important than the condition of its agency. He explicates the idea of unity at various levels, more often than not in the context of the community of cognitive faculties. Kant, for example, allows that the properties of objects, like the nature of the mind cognizing them, are inherently intended for systematic unity, which is why all the results of cognition conform to the common principles from which they can be derived. He calls this the *transcendental foundation of reason* (KrV, A 648 / B 676). Kant explains why the properties of objects are intended for systematic rational unity: "The conditions of the *possibility of experience* in general are at the same time conditions of the *possibility of the objects of experience*" (KrV, B 197; Kant, 1998, p. 283). It is not about the object as such, but about the *object of experience*.

Yet another angle from which one can look at the unity of experience is the teleological one, in the light of the ultimate goals of pure reason. Lea Ypi (2021, pp. 44-45) notes that the architectonic project of reason and the need to study experience as a systematic whole are inseparably bound up, for Kant, with an interest in the attainment of reason's essential goals. Experience can only be brought together into one systematic whole through coordination with the goal that reason recognizes as its own — different from the other goals which are linked to it only instrumentally. Kant derives

ко посредством соотнесения с целью, которую разум признает своей собственной, целью, отличной от других, которые лишь инструментально связаны с ним (Yri, 2021, p. 44–45). Конечные, или последние, цели применения нашего разума Кант выводит из его отношения к трем предметам: свободе воли, бессмертию души и бытию Бога (B 825).

Здесь возникает уже знакомое нам противоречие опыта, хотя и в другом ракурсе. Последние цели чистого разума выходят за пределы эмпирической реальности. Но в то же время Кант считал своей заслугой обоснование метафизики как науки путем осмысления априорных понятий, соответственно которым только и могут быть даны предметы в опыте. Как он сам замечает во введении ко второму изданию «Критики», из этих его достижений «получается странный и, по-видимому, весьма неблагоприятный для целей всей второй части метафизики результат» (B XIX; Кант, 1999, с. 36). Ведь метафизика опыта ценна тем, что показывает границы применимости априорных рассудочных понятий и категорий к предметам. В то же время именно эта цель — с помощью априорного знания выйти за границы возможного опыта — составляет существенную задачу «последней» метафизики, если взять во внимание сущностные или конечные цели разума. Так что по большому счету неясно, как конечные цели чистого разума могут задавать единство эмпирического опыта.

Мы очертили два глобальных и весьма проблематичных основания единства опыта. Первое из них гласит, что единство опыта гарантировано трансцендентальным основоположением разума, то есть систематическим рациональным единством свойств познаваемых предметов. Это лишь формальная предпосылка, она никак не объясняет почему опыт вписан в структуру априорных понятий, но позволяет заметить, каким образом проблема единства опыта пронизывает проблему условий его воз-

the end, or ultimate goals of the use of our reason, from its relation to three objects: free will, immortality of the soul, and the existence of God (KrV, B 825).

This brings up a contradiction of experience with which we are already familiar, albeit from a different perspective. The end-goals of pure reason go beyond empirical reality. At the same time, Kant claimed credit for grounding metaphysics as a science by studying *a priori* concepts by means of which, alone, objects can be given in experience. As he writes in the introduction to the second edition of the *Critique*, from these achievements of his “emerges a very strange result, and one that appears very disadvantageous to the whole purpose with which the second part of metaphysics concerns itself” (KrV, B XIX; Kant, 1998, p. 112). For the value of a metaphysics of experience consists in its showing the limits of the applicability of *a priori* reasonable concepts and categories to objects. At the same time, precisely this goal — reaching the limits of possible experience with the help of *a priori* knowledge — constitutes an essential part of the task of the “last” metaphysics if one keeps in mind the substantive or ultimate goals of reason. So, at the end of the day, it is unclear what ultimate goals of pure reason can be set by the unity of empirical experience.

I have described two global and highly problematic grounds of the unity of experience. The first of them claims that the unity of experience is guaranteed by the transcendental grounding of reason; that is, by the systematic rational unity of the properties of the objects cognized. This is a merely formal prerequisite which does nothing to explain why experience is written into the structure of *a priori* concepts, but enables us to notice how the problem of the unity of experience permeates the problem of the

возможности. Второе заключение не менее проблематично: опыту сообщают единство конечные цели чистого разума. Этот тезис противоречит тому факту, что в кантовской теории опыта именно созерцания определяют границы применения априорных понятий, запрещая разуму работать «вхолостую». Возможно, здесь следует говорить о двух разных смыслах слова «опыт», то есть мы сталкиваемся с встречающимся у Канта смешением разных типов дискурса, эмпирического и трансцендентального (Катречко, 2022, с. 16). Во всяком случае, эти предельно обобщенные условия единства опыта не снимают его проблематичности. Обратимся к более конкретным формам единства эмпирических данностей и априорных понятий — к причинам их связности и упорядоченности.

4. Связность и упорядоченность как условия возможности опыта

Кантовская постановка проблемы опыта актуальна по сей день. Феноменологи, когнитивисты, нейрочеловековеды и аналитические философы по-прежнему задаются вопросом: если мы понимаем опыт как «доступ» к познаваемым предметам, то какого рода этот доступ и что делает его возможным? Согласно Канту, важнейшее условие доступа — это *возможность связи восприятий*, их общности и согласованности. Данные свойства сообщают опыту *априорные формы чувственности и трансцендентальные категории*. Например, только благодаря априорному принципу, предиктирующему причинность возможных объектов опыта, мы можем объективно связать свои представления о сталкивающихся бильярдных шарах (Boer, 2010, p. 69) или любых других физических взаимодействиях. В трансцендентальном идеализме связность опыта есть обратная сторона его *упорядоченности*. Мы вновь попадаем в зону действия исходной проблемы: почему явления упорядочены согласно понятиям, не имеющим эмпирического происхождения?

conditions of its possibility. The second conclusion is no less problematic: experience acquires unity owing to the end-goals of pure reason. This thesis contradicts the fact that the Kantian theory of the experience of intuition determines the limits of the applicability of *a priori* concepts by forbidding reason to “run idle”. Perhaps we are looking at an instance of two different meanings of the word “experience”, i.e. a case of Kant mixing up different types of discourse, empirical or transcendental (Katrechko, 2022, p. 16). In any case, these highly generalized conditions of the unity of experience do not make it any less problematic. Let us turn to more concrete forms of the unity of empirical givens and *a priori* concepts: the causes of their connectedness and orderliness.

4. Connectedness and Orderliness as Conditions of the Possibility of Experience

The Kantian approach to the problem of experience has lost none of its relevance today. Phenomenologists, cognitivists, neuro-scientists, and analytical philosophers still ask themselves: if we understand experience as “access” to the objects being cognized, what kind of access is this and what makes it possible? According to Kant, the key condition of access is the *possibility of connection of perceptions*, their unity and coherence. Experience acquires these properties through *a priori forms of sensibility and transcendental categories*. For example, it is only thanks to the *a priori* principle which predicates causality of the possible objects of experience that we can objectively connect our representations of colliding billiard balls (Boer, 2010, p. 69) or any other physical interaction. In transcendental idealism, the coherence of experience is the reverse side of its *orderliness*. Again, we are confronted by the initial problem: why are phenomena ordered according to concepts which have no roots in experience?

Концепция, унаследованная Кантом от рационализма Нового времени, такова: опыт делает возможными «порядок и связь вещей», аналогичные порядку и связи идей. Однако в кантовской версии акцент смещен в сторону трансцендентального субъекта: контакт последнего с реальностью возможен лишь в силу того, что предметности располагаются в некотором порядке. Не имея возможности упорядочить созерцания, мы не имели бы опыта. Таким образом, важнейшее условие опыта — это возможность упорядочивания действительности, но сама эта возможность с точки зрения трансцендентальной философии труднообъяснима. Следует отметить, что упорядоченность объективной реальности представляется загадочной не только в рамках трансцендентализма. Как отмечал А. Эйнштейн, «сам факт, что совокупность наших чувственных восприятий с помощью мышления (оперирование понятиями, создание и использование определенных функциональных соотношений между ними, сопоставление чувственных восприятий этим понятиям) может быть приведена в порядок, является, по-моему, поразительным, и мы никогда его не поймем» (Эйнштейн, 1967, с. 201).

Все категории как чистые понятия, которые *a priori* относятся к объектам, являются способами систематизации опыта. Созерцание тоже упорядочено: пространство и время привносятся в опыт рядоположенность явлений. Связность опыта есть условие возможности последнего, что постулируется Кантом в «Аналогиях опыта». Однако связь многообразного не может быть воспринята чувственным образом. Опыт есть не сами восприятия, а их синтез, не содержащийся в восприятиях (В 129, 219); опыт есть трансцендентальная добавка к перцепции.

В первой «Критике» Кант объясняет связность опыта тем, что все формы явления существуют только в одном пространстве и в одном времени (А 110). Апериорные формы чувственности играют объединяющую и организую-

The concept Kant inherits from Modern rationalism is this: experience makes possible an “order and connection of things” analogous to the order and connection of ideas. However, in the Kantian version, there is a tilt toward the transcendental subject: the latter’s contact with reality is only possible because objects are arranged in a certain order. Without the possibility of ordering intuitions, we would have no experience. Thus, the key condition of experience is the possibility of ordering reality; but this ability is hard to explain from the viewpoint of transcendental philosophy. It must be noted that the orderliness of objective reality is enigmatic, not only within the transcendentalist framework. Albert Einstein (1936, p. 351) wrote: “The very fact that the totality of our sense experiences is such that by means of thinking (operations with concepts, and the creation and use of definite functional relations between them, and the coordination of sense experiences to these concepts) it can be put in order, this fact is one which leaves us in awe, but which we shall never understand.”

All the categories, as pure concepts which are objects *a priori*, are ways of systematizing experience. Intuition is also ordered: space and time introduce connectedness into experience. Connectedness of experience is the condition of the possibility of the latter, which Kant postulates in *Analogies of Experience*. However, the connection of the manifold cannot be perceived by the senses. Experience is not perceptions but their synthesis, which is not contained in the perceptions (*KrV*, В 129, 219); experience is a transcendental addition to perception.

In the first *Critique*, Kant attributes the connectedness of experience to the fact that all forms of a phenomenon exist in the same space and at the same time (*KrV*, А 110). *A priori* forms of sensibility play a uniting and organizing role. Thus, the notion of time determines the order of givenness of the manifold in the

щую роль. Так, представление времени определяет порядок данности многообразия в душе (В 69), а чувственный опыт покоится на синтетическом единстве отношений во времени всех восприятий (В 220). Связь многообразия составляет во времени. Поскольку само время не может быть воспринято, то временной модус опыта есть соединение объектов во времени посредством понятий, *a priori* устанавливающих это соединение (В 219). Одновременность и последовательность, важнейшие структуры опыта, не воспринимались бы нами в явлениях, если бы в основе не лежало априорное представление о времени. В русле проблемы возможности опыта (она же «проблема доступа») вопрос состоит не в том, как разуму удастся установить порядок в объективной реальности, но в том, почему реальность «поддается» этому установлению.

Связность и упорядоченность опыта, как мы видим, не вводятся в трансцендентальную модель субъекта как нечто само собой разумеющееся, они насквозь проблематичны. В них кроется противоречие — категории, по Канту, будучи априорными, обретают актуальность только из внешних созерцаний. Так, если мы хотим составить себе представление о том, что такое изменение в рамках идеи каузальности, «мы должны взять для примера движение как изменение в пространстве, и только таким путем можем мы сделать для себя наглядным изменение, возможность которого не может быть понята чистым рассудком» (В 291; Кант, 1999, с. 246).

Почему же «из одних лишь категорий мы не можем усмотреть возможности какой бы то ни было вещи...» (В 288; Кант, 1999, с. 244)? Потому, что объективная реальность чистых понятий рассудка должна постоянно подтверждаться в наглядных представлениях. Здесь явственно ощущается непреходимая граница опыта: у нас нет оснований для уверенности в том, что чистые рассудочные понятия скоординированы с материальной реальностью, то есть с ми-

soul (*KrV*, В 69), and sensible experience rests on the synthetic unity of all perceptions of relations in time (*KrV*, В 220). The connectedness of the manifold is formed in time. Since time itself cannot be perceived, the temporal mode of experience is a connection of objects in time through concepts which establish the connection *a priori* (*KrV*, В 219). We would not be able to perceive simultaneity and consecutiveness, the key structures of experience, in a phenomenon if they were not based on the *a priori* notion of time. In terms of the problem of the possibility of experience (or “the problem of access”), the question is not how reason manages to establish order in objective reality, but why reality “submits” to such establishment.

The connectedness and orderliness of experience, as we see, are not introduced in the transcendental model of the subject as something taken for granted; they are problematic through and through. They contain a contradiction: categories, according to Kant, being *a priori*, are actualized only through external intuitions. Thus, if we want to get an idea of such change within the framework of causality, “we must take motion, as alteration in space, as our example, indeed only by that means can we make alterations, the possibility of which cannot be comprehended by any pure understanding, intuitable” (*KrV*, В 291; Kant, 1998, pp. 335-336).

Why is it that “we cannot have insight into the possibility of any thing in accordance with the mere categories” (*KrV*, В 288; Kant, 1998, p. 334)? Because the objective reality of pure concepts of understanding must be constantly reaffirmed in visual representations. There is a clear sense here of the uncrossable boundary of experience: we have no grounds for being sure that pure concepts of understanding are coordinated with material reality, i.e. with the world of phenomena. Nor do we have a means of being assured of it once and for all; the reality

ром явлений. У нас также нет способа в этом раз и навсегда убедиться, нужно постоянно проверять действительность этой связи (A 149 / B 188).

Итак, внешние созерцания не порождают категорий, они «материализуют» их. Но при этом применение категорий идет гораздо дальше, чем организация связи восприятий: оно предписывает законы природе, в силу чего природа также приобретает упорядоченность: «априорные условия возможности опыта суть вместе с тем источники, из которых должны быть выведены все всеобщие законы природы» (AA 04, S. 297; Кант, 1994, с. 54).

5. Трансцендентализм против произвола разума

Проблема условий возможности опыта возникает из того типа категориальной активности, который постулирует Кант: вещи существуют сами по себе, но они возможны в опыте только согласно категориям (A 399 / B 291), то есть опыт уже извлекается в понятиях. Проблема возможности опыта как проблема «доступа» сознания к реальности не является исключительно трансцендентальной, ее унаследовали многие системы мысли. И в то же время она является чисто трансцендентальной: в таком ракурсе она могла возникнуть только в философии, для которой принципиально признание априорных оснований работы разума.

Мы усматриваем источник этого замкнутого круга в желании Канта оставаться последовательным в методе, с помощью которого он приходит к заключениям. Это проявление последовательности является реакцией на логику познавательного процесса, а именно на то, что нельзя объяснить, как познание необходимости в субъективном порядке нашего восприятия превращается в познание объектов. Иными словами, *нельзя заключать от субъективной необходимости к объективной* (A 368, 379). Эту установку Канта целиком поддерживал Стр-

of this connection must be constantly checked (*KrV*, A 149 / B 188).

Thus, external intuitions do not generate categories — they “materialize” them. But the application of categories goes much further than organizing the connection between perceptions. It prescribes laws to nature, owing to which nature, too, becomes ordered: “the conditions *a priori* of the possibility of experience are at the same time the sources from which all the universal laws of nature must be derived” (*Prol*, AA 04, p. 297; Kant, 2001, p. 38).

5. Transcendentalism versus the Arbitrariness of Reason

The problem of the conditions of experience arises from the type of categorial activity postulated by Kant: things exist by themselves, but they are possible in experience only according to categories (*KrV*, A 399 / B 291), i.e. experience is already derived in concepts. The problem of the possibility of experience as a problem of the “access” of consciousness to reality is not exclusively transcendental; it has been inherited by many systems of thought. At the same time, it is purely transcendental: in this form, it could have emerged only in philosophy for which the recognition of *a priori* foundations of the work of reason is crucial.

I attribute the source of this vicious circle to Kant’s wish to be consistent in the method by which he arrives at conclusions. This manifestation of consistency is a reaction to the logic of the cognitive process — namely, the fact that it is impossible to explain how the cognition of the necessity of a subjective ordering of our perception turns into cognition of objects. In other words, *it is impossible to infer objective necessity from subjective necessity* (*KrV*, A 368, 379). Strawson supports this Kantian proposition to the hilt: it is impossible to ground not

сон: нельзя обосновать не только принципы реальности, но даже саму нашу веру в объективный мир, работая «вовне», то есть исходя из частных данных индивидуального сознания. Любой философ, который пытается это сделать, по словам Стросона, тем самым демонстрирует свою неспособность уловить условия возможности опыта вообще (Strawson, 1966, p. 5). Здесь на сцену выходит здравый смысл, своего рода познавательный «принцип реальности», гласящий, что последняя не может быть производной от наших способностей что-либо о ней знать. Но и работать «извне», от объектов, как будто реальность дана нам в своем «естественном» состоянии, тоже невозможно, и этот жест стал окончательно невозможным именно в трансцендентальной философии.

Какой же здесь выход? Кант считает, что мы можем открыть необходимость в субъективном порядке только в том случае, если мы уже предположим, что существуют постоянные объекты или субстанции, состояниями которых являются данные явления (A 104, 252; A 93 / B 126; B 142; Paton, 1936, p. 263). Но опять-таки в корне неверно полагать, что трансцендентальная аналитика описывает опыт как необходимо состоящий из независимо существующих объектов, образующих единую пространственно-временную систему, и пытается на этом основании установить дальнейшие необходимые условия возможности опыта (Strawson, 1966, p. 9). Так мы попадаем в замкнутый круг познания в его эпистемическом модусе: мы не можем заключать ни от субъективных представлений к объектам (в силу познавательного принципа реальности), ни от объектов к идеям (в силу априорности последних).

Предпосылку этого противоречия можно усмотреть в самой природе трансцендентального субъекта. Оно возникает, когда мы пытаемся «натурализовать» трансцендентальные принципы познания, то есть найти их аналог в природе. Трансцендентальный субъект не может быть установлен из природы и вну-

only the principles of reality but even our faith in the objective world from “outside”, that is, proceeding only from the particular data of individual consciousness. Any philosopher who tries to do it, Strawson maintains, hereby demonstrates his inability to capture the conditions of the possibility of experience in general (Strawson, 1966, p. 5). Here, common sense, that cognitive “principle of reality”, comes to the fore. It declares that reality cannot be a derivative of our capacity to know something about it. Nor is it possible to proceed “from outside” — from the objects as though reality is given to us in its “natural” state — and this posture becomes impossible precisely in transcendental philosophy.

What is the way out? Kant believes that we can discover the need for subjective order only if we assume that there exist permanent objects or substances of which these phenomena are states (*KrV*, A 104, 252; A 93 / B 126; B 142; Paton, 1936, p. 263). But there again, it is quite wrong to think that transcendental analysis describes experience as necessarily consisting of autonomously existing objects which form a single spatio-temporal system, and on that basis tries to establish further necessary conditions of the possibility of experience (Strawson, 1966, p. 9). This gets us, epistemologically, into a vicious circle of cognition: we cannot infer either objects from subjective representations (owing to the cognitive principle of reality), or ideas from objects (owing to the *a priori* character of the latter).

The source of this contradiction can be traced to the very nature of the transcendental subject. It arises when we try to “naturalise” the transcendental principle of cognition by finding its analogue in nature. The transcendental subject cannot be established from or within nature insofar as nature is constitut-

три нее, коль скоро природа конституируется трансцендентальным субъектом. Поэтому, если трансцендентальная рефлексия обращается к субъективным условиям возможности естественных наук, то мы не можем использовать эти науки для изучения имманентной организации трансцендентальных субъектов, как если бы они сами были естественными сущностями (Catren, 2018, p. 161). Это феноменологический подход к проблеме замкнутого круга условий опыта. Так, в § 64 второй части «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль допускает, что разум может быть представлен как зависимый от природы и сам натурализованный, но только до известной степени. В целом этот ход непродуктивен, поскольку невозможно дать ясное определение духа, то есть ментальных процессов, через естественные зависимости. Трансцендентальные основания субъекта имеют свои способы определения, отличные от способов определения физических явлений: «Субъекты не могут быть поглощены бытием природы, ибо тогда то, что придает природе смысл, будет упущено» (Husserl, 1952, S. 297).

Но этот выход из проблемы условий возможности опыта неорганичен для трансцендентального идеализма Канта. Кант не делает последнего шага: он не говорит, что у априорных принципов познания нет никаких обоснований, что они суть сами последнее обоснование всех наших представлений. Напротив, он утверждает, что эти принципы продиктованы реальностью, что они не суть произвол разума и могут быть эмпирически проверены (A 149 / B 188). Здесь кроется диссонанс, ставший принципиальным пунктом трансцендентальной философии.

Согласно Гуссерлю, сама кантовская постановка проблемы возможности опыта неправомерна. Трансцендентальные структуры и естественные закономерности не должны находиться в соответствии друг с другом, так как они имеют разную онтологическую природу, и

ed by the transcendental subject. Therefore, if transcendental reflection turns to the subjective conditions of the possibility of natural sciences, we cannot use these sciences to study the immanent organization of transcendental subjects as though they were natural entities (Catren, 2018, p. 161). This is the phenomenological approach to the problem of the vicious circle of conditions of experience. Thus, in §64 of the second part of the *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy*, Husserl allows that reason can be represented as being dependent on nature, and is itself naturalized, but only to a degree. On the whole this is not a productive approach because it is impossible to clearly define the spirit, i.e. mental processes, through natural dependencies. The transcendental grounds of the subject require their own methods of definition, different from those by which we define physical phenomena: "Subjects cannot be dissolved into nature, for in that case what gives nature its sense would be missing" (Husserl, 1989, p. 311).

But this way out of the problem of the conditions of the possibility of experience is not organic for Kant's transcendental idealism. Kant does not take the last step: he does not say that *a priori* principles of cognition are groundless, and that they are the ultimate justification of our ideas. On the contrary, he maintains that these principles are dictated by reality, that they are not arbitrary products of reason and can be empirically verified (KrV, A 149 / B 188). This element of discord became a crucial point of transcendental philosophy.

Husserl challenges Kant's very approach to the problem of the possibility of experience. Transcendental structures and natural laws need not correspond to one another because they have different ontological natures; and knowledge of the world is not the result of

само знание о мире не есть результат натурализации принципов разума. Но для Канта эта позиция неприемлема, поскольку речь идет о возможности метафизики как науки, неоспоримой в своей эффективности. Метафизика возможна таким же образом, каким возможны чистая математика и чистое естествознание, опирающиеся на положения, «частью аподиктически достоверные на основе одного только разума, частью же на основе общего согласия из опыта» (АА 04, S. 275; Кант, 1994, с. 28). Это значит, что априорные принципы и чувственные данные должны иметь общее опосредующее звено или же общее качество, они должны быть *однородными*. Мы приближаемся к ключевому пункту нашей статьи.

6. Ментальная однородность опыта: априорные формы чувственности

Единство, общность, универсальность — это константы, которые обуславливают наш контакт с реальностью, сами будучи чувственно ненаблюдаемы и невычленимы из потока восприятий. Этот момент важен для трансцендентальной постановки проблемы опыта. Он имплицитно предполагает, что опытные данные *изначально обладают однородностью*. Таким образом, мы переключаем проблемный ракурс и утверждаем, что одним из основных условий возможности опыта в трансцендентальной философии является его однородность. Однородность опыта предопределяет все его остальные описанные нами выше качества.

Здесь можно выделить два аспекта — ментальная однородность содержаний сознания и однородность ментальных актов и предметов, данных в опыте. В общих чертах они коррелируют с двумя типами условий возможности опыта, которые выделяет у Канта Р. Ханна: формальные или логические условия и материальные условия, специально относящиеся к объективной значимости и объективной реальности, то есть к эмпирической осмысленности и применимости представлений (Hanna, 2001, p. 67–68).

naturalization of the principles of reason. For Kant, this position is untenable since at issue is the possibility of metaphysics as a science indisputable in its effectiveness. Metaphysics is possible in the same way pure mathematics and pure natural science are possible. They proceed from propositions “which are everywhere recognized as apodeictically certain, partly by mere reason, partly by universal agreement from experience” (Prol, AA 04, p. 275; Kant, 2001, p. 17). This means that *a priori* principles and sensible data must have a common mediating link or even a common property, they must be *homogeneous*. This brings me to the key point of my article.

6. The Mental Homogeneity of Experience: *A Priori* Forms of Sensibility

Unity, community, and universality are all constants of our contact with reality, while they themselves cannot be observed or isolated from the stream of perceptions. This is important for the transcendental approach to the problem of experience. It implies that experiential data are *inherently homogeneous*. Thus, we switch our focus and assert that one of the main conditions of the possibility of experience in transcendental philosophy is its homogeneity. Homogeneity of experience predetermines all its other properties described above.

The two aspects that stand out are the mental homogeneity of the content of consciousness, and the homogeneity of mental acts and objects given in experience. By and large, they correlate with two types of condition of the possibility of experience which Robert Hanna (2001, pp. 67-68) identifies in Kant: formal or logical conditions, and material conditions, specifically related to objective significance and objective reality, i.e. empirical meaningfulness and applicability of representations.

Обратимся к ментальной однородности как условию возможности опыта. В современной постановке проблемы ситуация выглядит так: если мы говорим о едином континууме сознания, то следует признать, что оно адаптирует данные разных модальностей и разной природы (ментальной, логической, физиологической и т.п.) с целью обеспечить единый доступ к ним, то есть приводит разнообразие содержания к некоторой однородности. Иначе как объяснить, что мир является узнаваемым для эмпирического субъекта, хотя в каждый момент времени психические продукты уникальны? В когнитивной психологии эта однородность объясняется понятием «смысл»; смысл в интерпретации А. Ю. Агафонова — это форма амодальной представленности данных в сознании безотносительно канала их получения, способа их хранения и кодирования (Агафонов, 2003, с. 14, 98–99). То есть смысл в данной концепции — это и есть универсальная «ткань» сознания, сообщающая ему однородность.

У Канта ментальная однородность гарантирована в первую очередь априорными формами чувственности. Согласно Канту, предметы ничего не могут сообщить о своем единстве или связи, но они могут быть объединены временем и местом их восприятия. Характеризуя представление о пространстве как неэмпирическое и при этом наглядное, Кант отмечает, что *способность подвергаться воздействию предметов* должна с необходимостью предшествовать всякому созерцанию этих предметов (В 42). Форма всех восприятий дана в душе раньше действительных восприятий, до всякого опыта она содержит принципы отношений предметов друг к другу.

Восприятие предметов в пространстве и времени еще не есть познание, но только их эмпирическое созерцание. Однако время и пространство лежат в основе трансцендентального схематизма — того механизма, который обеспечивает применимость чистых понятий рассудка к явлениям (В 178). Трансцендентальные схемы, эти «монограммы чистой способности воображения *a priori*» (А 142 / В 181; Кант,

Let us regard mental homogeneity as a condition of the possibility of experience. The modern approach to the problem is as follows: if consciousness is a single continuum, we must admit that it adapts the data of different modalities and different natures (mental, logical, physiological, etc.) to ensure a common access to them, that is, it brings the diversity of contents into a degree of homogeneity. Otherwise, how does one explain the fact that the world is recognizable for the empirical subject although the mental products are unique at every moment in time? In cognitive psychology, this homogeneity is called “sense”; sense as interpreted by Andrei Yu. Agafonov (2003, pp. 14, 98-99) is a form of amodal representation of data in consciousness irrespective of the channel through which they are received, the way they are stored and encoded. Sense on this conception is the universal “fabric” of consciousness which makes it homogeneous.

For Kant, mental homogeneity is guaranteed above all by *a priori* forms of sensibility. According to Kant, things cannot tell us anything about their unity or interconnection, but they can be united by the time and place of their perception. Characterizing space as non-empirical and yet tangible, Kant notes that *the capacity to be influenced by objects* must precede any intuition of these objects (*KrV*, В 42). The form of these perceptions is given in the soul before actual perceptions; it contains the principles of relations between objects prior to any experience.

Perception of objects in space and time is not yet cognition, but merely their empirical intuition. However, time and space form the basis of transcendental schematism, the mechanism which ensures the applicability of the pure concepts of understanding to phenomena (*KrV*, В 178). Transcendental schemes, these “monogram[s] of pure *a priori* imagination” (*KrV*, А 142 / В 181; Kant, 1998, p. 274), constitute the

1999, с. 179), есть то самое опосредующее звено, которое создает однородность опыта: в своем интеллектуальном модусе они однородны категориям, а в чувственном модусе — явлениям. Пространственные представления порождают схему величины, временные — схему реальности и отрицания (реальность есть то, что ощущается как существующее во времени; отрицание представляется как небытие чего-либо во времени) (В 182). К примеру, схема действительности есть существование в определенное время, а схема необходимости есть существование предмета во всякое время (В 184) и т. п.

Таким образом, логические категориальные связи, по крайней мере организованные категориями качества, отношения и модальности, Кант рассматривал как превращенные формы пространственно-временных представлений. Априорные формы чувственности, как можно убедиться, обеспечивают не только эмпирическую, но и ментальную однородность опыта, то есть превращают предметы в знание, делая их однородными одновременно и восприятию, и рассудку.

Однородность нашего восприятия мира — результат работы априорных форм чувственности, и поэтому мы говорим здесь о ментальной однородности. Опыт возможен потому, что устанавливаются единые принципы соотношений объектов опыта. Для Канта априорные формы чувственности не обеспечивают собственно связь вещей, а скорее включают их в общую систему, создаваемую чистым созерцанием.

7. Трансцендентальное сродство

Есть и другой, не менее важный аспект ментальной однородности — это *универсальность мыслимости предметов опыта*, их общая доступность познанию. На необходимость допускать нечто подобное Кант натолкнулся, исследуя формы рассудочной деятельности. Однородность опыта он фиксирует терминами *эмпирическое* и *трансцендентальное сродство явлений* (А 113). Речь тут идет об адап-

mediating link which creates homogeneity of experience: in our intellectual mode they correspond to categories, and in the sensible mode, to phenomena. Spatial representations generate the scheme of size and temporal ones the scheme of reality and negation (reality being that which is sensed as existing in time; negation, the non-being of something in time) (KrV, B 182). For example, the scheme of reality is the existence of something at a certain time, and the scheme of necessity is the existence of an object at any time (KrV, B 184), and so on.

Thus, Kant considers logical categorical links, at least those organized by categories of property, relation, and modality, to be modified forms of spatio-temporal representations. As can be readily seen, *a priori* forms ensure not only empirical, but also mental homogeneity of experience, turning objects into knowledge and making them homogeneous simultaneously to perception and understanding.

The homogeneity of our perception of the world is the result of the work of *a priori* forms of sensibility, which is why we speak about mental homogeneity. Experience is possible because common principles of correlation between the objects of experience are established. For Kant, *a priori* forms of sensibility do not ensure the connection of things, but rather include them into a common system created by pure intuition.

7. Transcendental Affinity

Another equally important aspect of mental homogeneity is the *universality of thinkability of objects of experience*, their common accessibility for cognition. Kant became aware of the need to allow something of this kind when investigating the forms of the activity of understanding. He refers to the homogeneity of experience using the terms *empirical* and *transcendental affinity of phenomena* (KrV, A 113). It has to do with the

тации эмпирического опыта для разума, благодаря чему все предметы делаются мыслимыми; мы переходим здесь в зону «материальных условий опыта», предполагающих однородность ментальных актов и объективной реальности.

Доступность всех предметов для мысли воспринималась в современной Канту философии как должное, но не следует забывать, что трансцендентализм имеет истинно критический дух. Для этой философии ничего не является само собой разумеющимся, и в этом смысле она наследует ранней философии древности. На заре философствования тот факт, что все можно помыслить, вызывал интеллектуальное потрясение. Пифагорейцы объясняли это тем, что «все есть число», Парменид — тождеством бытия и мышления. Эти ранние версии причин однородности мира, доступности его опыту и познанию представляют значительный интерес. Так, пифагорейцы использовали термин *μίμησις* (*mimesis*), полагая, что все предметы «подражают» или уподобляются числам. Платон же ввел понятие *μέθεξις* (*methexis*), которым он обозначал то же, что пифагорейцы называли мимесисом: пифагорейцы говорили о подражании сущего числам, а Платон, как пишет Аристотель в «Метафизике», говорит об *участии* (*methexis*) сущего в числах (Аристотель, 1976, с. 79 (A VI 987b 10)). По мнению А. Н. Уайтхеда, Платон использовал термин *соучастие* (*methexis*) для выражения отношения некоторого сложного факта к иллюстрирующей его частичной структуре (Уайтхед, 1990, с. 644). В диалогах «Федон» и «Государство» он трактовал чувственное бытие как совокупность того, что *участвует* в общем многообразии форм; также и разум сопричастен бытию, участвует в нем. Отношение между вещью и формой определяется здесь как партиципация (соучастие), таким же образом Платон решает проблему соотношения части и целого.

Итак, проблема одинаковой доступности вещей для разума, то есть однородности предметов в их мыслимости, имеет долгую историю.

adaptation of empirical experience to reason, owing to which all things are thinkable; here we enter the zone of the “material conditions of experience”, which presuppose the homogeneity of mental acts and objective reality.

In Kant’s time, all things were assumed to be accessible to thought — but we should not forget that transcendentalism has a truly critical spirit. This philosophy takes nothing for granted, a quality it inherits from ancient philosophy. At the dawn of philosophy, the fact that everything can be thought produced an intellectual shock. Pythagoreans attributed it to the notion that “everything is a number”, and Parmenides to the identity of being and thought. These early versions of what makes the world homogeneous and accessible to experience and cognition present considerable interest. The Pythagoreans used the term *μίμησις* (*mimesis*), believing that all objects “mimic” numbers. Plato introduced the *μέθεξις* (*methexis*) to refer to what the Pythagoreans called *mimesis*: the Pythagoreans thought that things mimic numbers while Plato, as Aristotle (1933, p. 43) informs us in *Metaphysics*, speaks about the *participation* (*methexis*) of things in numbers (A VI 987b 10). Alfred N. Whitehead (1961, p. 242) believes that Plato used the term *participation* (*methexis*) to refer to the relation of a complex fact to a partial structure thereof that illustrates it. In the dialogues *Thaetetus* and *The State*, he interpreted sensible being as the totality of what *participates* in the overall diversity of forms; similarly, reason is part of being. The relation between thing and form is here defined as participation, similarly to the way Plato solves the problem of the relation between a part and the whole.

We see that the problem of things being equally accessible to reason, i.e. the homogeneity of things in being thinkable, has a long history. How does Kant approach this problem?

Как видит эту проблему Кант? Аналогии опыта объясняют, каким образом единство опыта должно возникнуть из восприятий. В первом издании «Критики» Кант пишет, что оно создается посредством чистого трансцендентального синтеза воображения (A 101–102). Но помимо этого есть общая *форма опыта*, то есть непрерывное синтетическое единство восприятия, которое образовано синтетическим единством явлений согласно понятиям (A 110). Таким образом, все явления находятся в *трансцендентальном сродстве* (transzendentalen Affinität), из которого эмпирическое сродство вытекает как простое следствие (A 114).

Сродство для Канта — это общность явлений, благодаря которой они подчиняются одним и тем же законам (A 113). Это довольно неожиданная и мало разработанная мысль: у предметов опыта, по Канту, должно быть что-то общее (это одна из причин однородности опыта), чтобы они могли подпадать под действие одного априорного принципа или аксиомы чистого разума, наподобие того как определенные физические свойства тел делают их подверженными воздействию гравитации. Так же и представление о предмете должно быть *однородным* (gleichartig) с понятием, чтобы предмет можно было подвести под это понятие. Требование довольно проблематичное, поскольку чистые понятия рассудка (причинность, единство и т.п.) не имеют никакой наглядности и в принципе не могут быть однородными с какими-либо эмпирическими представлениями (B 176). Кант позволяет нам думать, что связность опыта чем-то поддержана на стороне вещей самих по себе.

Кантовский ход мыслей можно понимать следующим образом: на стороне реальности, как она существует независимо от нашего разума, все же есть что-то, что позволяет ей превращаться в явление для нас, хотя никакие известные нам принципы бытия не гарантируют корреляцию реальности с нашим сознанием. Это ясно из кантовского допущения, что явления могли бы быть такими, что «рассудок не

Analogies with experience explain how the unity of experience must arise from perception. In the first edition of the *Critique*, Kant writes that it is created by the pure transcendental synthesis of the imagination (KrV, A 101-102). But, in addition, there is the general *form of experience*, that is, the continuous synthetic unity of perception formed by the synthetic unity of phenomena in accordance with concepts (KrV, A 110). Thus, all phenomena are in a position of *transcendental affinity* from which empirical affinity follows as a simple consequence (KrV, A 114).

According to Kant, affinity is the unity of phenomena thanks to which they conform to the same laws (KrV, A 113). This is an unexpected and little-studied thought: objects of experience must have something in common (this being one of the causes of the homogeneity of experience) if they are to conform to a single *a priori* principle or axiom of pure reason, similarly to the way certain physical properties of bodies make them amenable to gravitation. Likewise, the representation of an object should be *homogeneous* (gleichartig) to the concept in order for the object to be put under this concept. This is a rather problematic requirement, since pure concepts of understanding (causality, unity, etc.) cannot be observed and, in principle, cannot be homogeneous with any empirical representation (KrV, B 176). Kant lets us think that the coherence of experience is supported by something in the things-in-themselves.

Kant's train of thought can be understood in the following way: reality, as it exists independently from our reason, has something that enables it to become a phenomenon for us, although no known principle of being guarantees the correlation of reality with our consciousness. This is clear from Kant's admission that phenomena can be such that "the understand-

нашел бы их сообразными с условиями своего единства» и тогда, например, «в ряду явлений не представлялось бы ничего, что обнаруживало бы правила синтеза» (B 123; Кант, 1999, с. 129).

8. Однородность осознания вещей и самосознания

Есть, наконец, еще одна версия связности: это принцип однородности сознания внешних вещей и самосознания, о котором Кант впервые пишет в критике четвертого паралогизма в первом издании «Критики чистого разума» (A 371, 380), затем в Предисловии и «Опровержении идеализма» во втором издании. Кант полагает, что механизмы, обеспечивающие сознание своего собственного бытия во времени и отношение к чему-то, находящемуся вне нас, идентичны. В основе внешних явлений и внутреннего созерцания лежит одно и то же неизвестное нам основание, дающее эмпирическое понятие относительно обоих этих модусов бытия (A 379–380).

Эмпирическое сознание моего существования определимо, по Канту, лишь через отношение к чему-то, что связано с моим существованием и находится вне меня (B XL Anm.). Это нужно понимать как необходимость некоего контрастного, в том числе темпорального фона, из которого мы себя выделяем и по отношению к которому мы распознаем свои состояния (B 275–276). Самосознание протекает по аналогии с осознанием внешнего мира: если явление предполагает эмпирическое сознание реального предмета вне меня, то самосознание также не просто сознание своих представлений, оно предполагает сознание себя как реальной вещи (Соболева, 2017, с. 92). Таким образом, «чувство себя» образует устойчивую основу, на фоне которой разворачиваются «внешние» созерцания. «Реальность внешнего чувства необходимо связана с реальностью внутреннего чувства как условие возможности опыта вообще» (B XLI Anm.; Кант, 1999, с. 48–49, примеч.).

ing would not find them in accord with the conditions of its unity”, such that, e.g., “in the succession of appearances nothing would offer itself that would furnish a rule of synthesis” (*KrV*, B 123; Kant, 1998, p. 223).

8. The Affinity of the Consciousness of Things and Self-Consciousness

Finally, there is yet one more version of connectedness: *the principle of homogeneity of consciousness of external things and self-consciousness*, which Kant first writes about in the critique of the fourth paralogism in the first edition of the *Critique of Pure Reason* (*KrV*, A 371, 380), and again in the Preface and “Refutation of Idealism” in the second edition. Kant believes that the mechanisms of consciousness of one’s own being in time, and the attitude to something outside us are identical. External phenomena and inner intuition have the same foundation, unknown to us, which offers empirical insight into both these modes of being (*KrV*, A 379–380).

According to Kant, empirical consciousness of my own existence can only be defined in relation to something connected with my existence that lies outside of me (*KrV*, B XLn). This should be understood as the need for a contrasting, including temporal, background, out of which we isolate ourselves and in relation to which we distinguish our states (*KrV*, B 275–276). Self-consciousness takes place by analogy to consciousness of the external world: if a phenomenon presupposes empirical consciousness of the real world outside of me, self-consciousness, too, is not merely consciousness of one’s representations, but presupposes consciousness of oneself as a real thing (Soboleva, 2017, p. 92). Thus, “a sense of oneself” is a steady foundation against the background of which external intuitions unfold. “For an experience in general to be possible, the reality of outer sense is

Иными словами, однородность опыта гарантирована тем, что все восприятия и созерцания оформляются на фоне «реальности внутреннего чувства». Эту ситуацию можно описать как зеркальную: опыт не может быть внутренним, если он в то же время не является в определенном смысле внешним. Мейясу называет подобный корреляционизм тяжелым наследием Канта для всей европейской философии. Он выражается в дисквалификации любых попыток рассмотреть сферы субъективного и объективного независимо друг от друга (Meillassoux, 2008, p. 13). Условия однородности опыта вновь образуют замкнутый круг, но уже в иной плоскости.

В завершение рассмотрения условий единства опыта следует упредить возможный вопрос читателя, почему мы не рассматриваем среди них трансцендентальное единство апперцепции. Действительно, оно играет важную роль в кантовской модели трансцендентального субъекта. Для того чтобы предметы приобрели качество мыслимости (превратились в знание), разум должен создать «отношение представлений к предмету, то есть их объективное значение» (B 137; Кант, 1999, с. 152). Условием такового является единство сознания, которое Кант в «Критике чистого разума» называет трансцендентальным единством апперцепции. Это первоначальное и необходимое сознание тождества нашего «Я» Кант отождествляет с сознанием столь же необходимого единства синтеза всех явлений согласно понятиям (A 108). Если понимать трансцендентальное единство апперцепции в этом ключе, оно ничего не прибавляет к рассмотренным нами в пунктах 3 и 4 формам единства опыта.

Правда, в ряде фрагментов (A 105, 108 / B 137) Кант говорит, что формальное единство сознания вносит синтетическое единство в многообразие созерцаний и тем самым делает предметы необходимыми, и что именно оно создает отношение представления к объекту. Однако

necessarily bound up with that of inner sense" (*KrV*, B XLIn; Kant, 1998, p. 122n).

In other words, the homogeneity of experience is assured by the fact that all perceptions and intuitions are formed against the background of the "reality of the inner sense". This situation can be described as mirror-like: experience cannot be internal if it is at the same time external in a certain sense. Quentin Meillassoux describes such correlationism as the dire legacy Kant left for the whole of European philosophy. It consists in the disqualification of any attempts to consider the spheres of the subjective and objective independently from one another (Meillassoux, 2008, p. 13). Again, the conditions of the homogeneity of experience form a vicious circle, but on a different plane.

To conclude the examination of the conditions of the unity of experience, I should anticipate a possible question from the reader — that of why I do not consider transcendental unity of apperception to be one of them. Indeed, it plays an important role in the Kantian model of the transcendental subject. For objects to become thinkable (and turn into knowledge) reason must create "the relation of representations to an object, thus their objective validity" (*KrV*, B 137; Kant, 1998, p. 249). The condition for this is the unity of consciousness which Kant, in the *Critique of Pure Reason*, calls the transcendental unity of apperception. Kant identifies this initial and necessary consciousness of the "I" with the consciousness of an equally necessary unity of the synthesis of all phenomena according to concepts (*KrV*, A 108). If interpreted in this way, the transcendental unity of apperception does not add anything to the forms of the unity of experience examined in sections 3 and 4.

True, in some fragments (*KrV*, A 105, 108 / B 137) Kant says that the formal unity of consciousness brings synthetic unity to the diversity of intuitions, thereby making objects necessary, and that it creates the relation of the

как именно единство апперцепции организует отношение восприятия к его объектам, остается в «Критике чистого разума» непроясненным³.

9. Заключение

Наш интерес был направлен на то, чтобы осмыслить трансцендентальную проблему условий возможности опыта в новом ракурсе. С этой целью мы рассмотрели единство опыта и лежащую в его основе однородность в качестве ключевого условия возможности последнего, не покидая при этом границ трансцендентальной парадигмы. Под опытом мы понимали, вслед за Кантом, осознанное восприятие действительности, подразумевающее аффицирование чувственности предметами, с одной стороны, и существование вещей согласно понятиям — с другой. Ход исследования проходил в русле идеи, что возможность опыта как таковая проблематична и что необходимость единства и однородности опыта определенным образом задает эту проблематичность.

В трансцендентализме Канта любые более сложные категориальные связи предполагают идею многообразия, и наоборот, в идее многообразного свернута идея единства многообразного (B 130–131). Рассуждая, что же здесь первично, Кант приходит к тому, что *единство a priori* предшествует всем понятиям связи, а *интуиция единства предшествует категории единства*, поскольку категории суть результат применения логических функций в суждениях, а они уже предполагают ментальную возможность установления единства. Суть проблемы опыта, как мы ее формулируем, заключена в том, что все существующие формы связности не присущи предметам самим по себе. В то же время связность и упорядоченность опыта не являются его исходными атрибутами — напротив, они проблематичны и требуют объяснения.

Анализируя тексты Канта, мы выявили целый ряд условий единства, связности и упорядоченности опыта:

representation to the object. But it remains unclear from the *Critique of Pure Reason* exactly how the unity of apperception organizes the relation of perception to its objects.³

9. Conclusion

This paper attempted to look at the transcendental problem of the conditions of the possibility of experience from a new angle. To this end, I considered the unity of experience and its underlying homogeneity as the key condition of the possibility of the latter, while remaining within the boundaries of the transcendental paradigm. By “experience”, I understood, following Kant, the conscious perception of reality which implies the affection of sensibility by objects, on the one hand, and the existence of things according to concepts, on the other. My investigation sought to show that the possibility of experience is problematic precisely because it is premised on the need for unity and homogeneity of experience.

In Kant’s transcendentalism, any complicated categorical links presuppose diversity and, conversely, the idea of the manifold contains the idea of the unity of the manifold (*KrV*, B 130–131). In reflecting on what is primary, Kant concludes that *unity a priori* precedes all the concepts of connections and *intuition of the unity precedes the category of unity* insofar as categories are the results of the application of logical functions in judgments, which in turn presuppose the mental possibility of establishing unity. The core of the problem of experience, as I see it, is that the existing forms of connectedness are not inherent in the things-in-themselves. At the same time, the connectedness and orderliness of experience are not its inherent attributes; on the contrary, they are problematic and need to be explained.

Analysing Kant’s texts, I have identified a range of conditions of unity, connectedness, and orderliness of experience:

³См. анализ этого вопроса: (Van Cleve, 1999, p. 94)

³See the analysis of the issue in Van Cleve (1999, p. 94).

1. Систематическое единство свойств предметов, равнозначное систематическому рациональному единству познающего их рассудка (трансцендентальное основоположение разума). 2. Единство опыта, задаваемое конечными целями чистого применения нашего разума. 3. Единство опыта за счет его упорядоченности посредством априорных категорий. 4. Организующая работа априорных форм чувственности, создающая последовательность и рядоположенность явлений. 5. Связность опыта в силу однородности времени и пространства (неэмпирическое созерцание). 6. Трансцендентальные схемы как превращенные формы пространственно-временных представлений, которые выступают опосредующим звеном между категориями и явлениями. 7. Эмпирическое и трансцендентальное сродство явлений, создающее однородность ментальных актов и объективной реальности. 8. Однородность сознания внешних вещей и самосознания, возникающая благодаря идентичности их механизмов («реальность внутреннего чувства» как скрепляющий фон).

Часть описанных нами условий относится к внутреннему единству рассудка и разума, рассудка и чувственности, внешнего и внутреннего осознания. Другая часть (5–7) касается условий корреляции актов мышления и объективной реальности. Выделенные восемь аспектов — это не причины единства опыта, а именно его условия, поскольку большинство из них, как мы показали, проблематичны и гипотетичны. И каждый из этих видов связности опыта, как мы могли убедиться, обратной своей стороной имел вопрос: *на чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?*

Почему же именно однородность опыта является его важнейшим условием, настолько важным, что она делает возможным подведение созерцаний под понятия? Во-первых, большинство условий единства и связности опыта (1–4, 6) и являются, собственно, способами создания этой корреляции. Но наиболее интерес-

1. The systematic unity of the attributes of things, equal to the systematic rational unity of the reason cognizing them (transcendental principle of reason). 2. The unity of experience, determined by the end-goals of the pure application of reason. 3. The unity of experience, due to its being ordered by *a priori* categories. 4. The organizing work of *a priori* forms of sensibility, which creates the sequence and coordinateness of phenomena. 5. The connectedness of experience, owing to the homogeneity of time and space (non-empirical intuition). 6. Transcendental schemes as modified forms of spatio-temporal representations which mediate categories and phenomena. 7. The empirical and transcendental affinity of phenomena, which create the homogeneity of mental acts and objective reality. 8. The homogeneity of the consciousness of external things, and self-consciousness arising from the identity of their mechanisms (the “reality of the inner sense” as the binding background).

Part of the above conditions pertains to the inner unity of understanding and reason, understanding and sensibility, and external and internal consciousness. The other part (5–7) has to do with conditions of the correlation of mental acts and objective reality. The eight aspects identified above are not the causes of the unity of experience, but merely conditions because the majority of them, as I have shown, are problematic and hypothetical. Each of these types of coherence of experience, as we can see, has a flip side, expressed in the question: *what is the basis of the relationship of what we call representation within us to the object?*

Why is the homogeneity of experience the key condition, a condition so important that it makes it possible to conceptualize intuitions? First, the majority of the conditions of the unity and coherence of experience (1–4, 6) are in fact methods for creating this correlation. But the most interesting conclusions at which I have

ные выводы, к которым мы пришли, лежат в другой плоскости. За всеми объяснительными ходами, которые прослеживаются в философии Канта и которые связаны с проблемой условий опыта, проступает один мотив: должно быть что-то, что обеспечивает однородность идей чистого разума, рассудочных понятий и объективной действительности.

Этот мотив кристаллизуется в условии 7, предполагающем трансцендентальное сродство явлений. Это звучит фантастично, но у Канта достаточно фантастических моментов. И когда он допускает, что мир мог бы быть и иным, не соответствующим с условиями единства нашего рассудка (B 123), и когда говорит, что существуют известные априорные законы, которые делают природу возможной (B 263), и в известной фразе о коперниканской революции, в которой допускается, что предметы как объекты чувств должны согласовываться с доопытными понятиями (B XVII), и, наконец, когда утверждает априорность пространства и времени, из чего следует: 1) они не присущи вещами самим по себе, 2) организация нашего восприятия не единственно возможная, 3) чтобы быть разумным существом, не обязательно иметь такой тип чувственности, как у нас (A 252, 254 / B 310).

Гипотеза о трансцендентальном сродстве явлений тоже может показаться невероятной, для Канта это именно так: «Я спрашиваю поэтому, как объясняете вы себе сплошное сродство явлений (благодаря которому они подчиняются постоянным законам и должны подходить под них)?» (A 113; Кант, 1999, с. 141). Чтобы это объяснить, мы должны допустить следующее: разум и реальность находятся в отношениях трансцендентального родства.

Мы достигли границ рациональной философии, то есть границ применимости чистого разума, поскольку двигались последовательно по трансцендентальной траектории. Это закономерно, так как трансцендентализм нацелен на рефлексию сцепления разума с действи-

arrived lie in a different sphere. Behind all the explanatory moves in Kant's philosophy connected with the problem of conditions of experience, one can discern a persistent motive: there must be something that ensures the homogeneity of the ideas of pure reason, the concepts of understanding, and objective reality.

This motive is crystallized in condition 7, which assumes a transcendental affinity of phenomena. This may raise eyebrows — but then there are many things that may raise eyebrows in Kant. For example, when he allows that the world could be different, and not conform to the conditions of the unity of our understanding (*KrV*, B 123); when he says that there are certain *a priori* laws which make nature possible (*KrV*, B 263); when he remarks, famously, speaking about the Copernican turn, that things as objects of sensibility should be coordinated with concepts preceding experience (*KrV*, B XVII); and, finally, when he asserts the *a priori* character of space and time, from which it follows that: 1) they are not the properties of things-in-themselves, 2) our perception could be organised in a different way, and 3) to be an intelligent creature, one need not necessarily have the same type of sensibility as we have (*KrV*, A 252, 254 / B 310).

The hypothesis of the transcendental affinity of phenomena, too, may seem to be incredible, as Kant himself admits: “I ask, therefore, how do you make the thoroughgoing affinity of the appearances (by means of which they stand under constant laws and must belong under them) comprehensible to yourselves?” (*KrV*, A 113; Kant, 1998, p. 235). To explain this, we must admit the transcendental affinity of reason and reality.

We have reached the limits of rational philosophy, i.e. the limits of the applicability of pure reason, because we have consistently followed the transcendental trajectory. This is logical because transcendentalism is focused

тельностью, которое мыслится «в пределе» своей возможности (Мёдова, 2018, с. 52). Здесь мы приблизились к очень важному, на наш взгляд, моменту трансцендентальной философии — как кантовской, так и в целом. В пунктах 4 и 5 мы обсуждали, почему Кант не может рассматривать априорные принципы как последнее обоснование всех наших представлений и, в конечном итоге, Природы. Мы объяснили это методологически, как проявление здравого смысла Канта-гносеолога, как работу познавательного «принципа реальности». Но идея эмпирического и трансцендентального сродства явлений показала, что у проблематичности условий опыта есть экзистенциальное измерение. Известно, что Кант и хотел потеснить разум, чтобы дать место вере. Но из его дискурса, по крайней мере в первой «Критике» и «Прологоменах...», совершенно ясно, что нет никакой инстанции, на которую можно возложить ответственность за корреляцию разума и реальности. Эта корреляция — объект постоянного вопрошания, это лишь гипотеза. Но гипотеза спасительная, потому что «если разумом можно задавать первопонятие, то мы погибли» (Мамардашвили, 1992, с. 100). Это значит, что априорные основания нашего разума парадоксальным образом не позволяют получать определения бытия из чистого мышления. Если бы это было так, то наши познавательные способности с необходимостью создавали бы один-единственный мир, и познавательный процесс исключал бы моменты свободы. Поэтому трансцендентальная философия исследует не причины опыта, а гипотетические условия его возможности, каждое из которых она видит как проблематичное. Но таким образом она не отрицает факт присутствия свободного мыслящего существа в реальности.

От критической философии Канта неотъемлем тот факт, что под вопросом находится сама возможность опыта. Трансцендентальная проблематизация опыта обусловила существенную часть истории европейской философии, по-

on the “maximum possible” nexus between reason and reality (Medova, 2018, p. 52). This brings us to what is, in my opinion, a very important aspect of transcendental philosophy, Kantian or otherwise. In sections 4 and 5, I discussed why Kant cannot consider *a priori* principles to be the ultimate grounding of all our representations, and ultimately, of Nature. I have explained it methodologically as a manifestation of the common sense of Kant the epistemologist, as the work of the cognitive “principle of reality”. But the idea of empirical and transcendental affinity has revealed an existential dimension to the problem of the conditions of experience. Kant, of course, wanted to find reason to give more ground to faith. But his discourse, at least in the first *Critique* and *Prolegomena*, makes it clear that there is no authority that can assume responsibility for the correlation between reason and reality. This correlation is an abiding moot point; it is only a hypothesis. But it is a redeeming hypothesis because “if reason can set the first principle, we are done for” (Mamardashvili, 1992, p. 100). This means that, paradoxically, *a priori* grounds of our reason prevent us from using it to derive the definition of being. Otherwise, our cognitive faculties would inevitably create a one-and-only world and the cognitive process would rule out the element of freedom. That is why transcendental philosophy looks not into the causes of experience, but into the hypothetical conditions of its possibility, considering each of them to be problematical. But this is not to say that it denies the fact of the presence of a freely thinking creature in reality.

Undeniably, Kant’s critical philosophy puts the very possibility of experience into question. The transcendental problematisation of experience accounts for much of the history of European philosophy because it touches upon the issue of the validity and cognitive effectiveness of all mental representations or meanings. Kant’s investigations marked a turning point for philosophy and science whereafter it

сколько она затронула вопрос о правомерности и познавательной эффективности всех ментальных представлений или значений. Исследования Канта стали для философии и науки поворотным шагом, после которого отстраниться от трансцендентального ракурса исследования опыта уже невозможно. Современные направления в онтологии и эпистемологии так или иначе позиционируют себя относительно кантовской проблемы условий возможности опыта и предпринимают существенные усилия, чтобы выбраться из сферы ее влияния. Кантовское условие однородности опыта, по мнению Мейясу, осталось последующей философии в наследство как убежденность, что философ может иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности. Кантовский трансцендентализм есть вера в первичность отношения перед членами этого отношения, вера в конститутивную силу их взаимного отношения (Meillassoux, 2008, p. 13–14). Эта установка настолько влиятельна, что ей сложно что-либо противопоставить. Чтобы мыслить действительно в новом ключе, философ должен совершить акт решительного выхода за пределы основного принципа как кантианской, так и всей посткантианской философии: отказаться от идеи, согласно которой реальное, то, что со времен Канта принято называть объективностью, требует быть продуманным до такой степени умопостигаемости, которая способна развернуть перед нами условия возможности его появления (Cohen, 2018, p. 172).

Список литературы

- Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб. : Речь, 2003.
- Аристотель. Метафизика // Соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1976. С. 63–367.
- Кант И. Письмо к М. Мендельсону от 8 апреля 1766 г. // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980а. С. 514–518.
- Кант И. Письмо к М. Герцу от 7 июня 1771 г. // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980б. С. 523–526.

has been impossible to sidestep the transcendental aspect of the study of experience. Modern trends in ontology and epistemology must position themselves with regard to the Kantian problem of the possibility of experience, and struggle to free themselves from its influence. The Kantian condition of the homogeneity of experience, Meillassoux believes, has been inherited by subsequent philosophy, in the form of the conviction that the philosopher can deal only with the correlation between thinking and being, and never with one of them separately. Kantian transcendentalism is wedded to the idea that this relation takes precedence over its members; that the inter-relation has a constitutive power (Meillassoux, 2008, pp. 13-14). So influential is this attitude that it is hard to counter it. To really think in a new way, the philosopher has to perform an act of going beyond the main principle of Kantian and all post-Kantian philosophy: to cast aside the idea that reality, which since Kant's time has been called objectivity, needs to be thought to the point of becoming intelligible, and unfolding the conditions of its possibility (Cohen, 2018, p. 172).

References

- Agafonov, A. Yu., 2003. *Osnovy smyslovoj teorii soznaniya* [The Fundamentals of the Semantic Theory of Consciousness]. Saint Petersburg: Rech'. (In Rus.)
- Allais, L., 2015. *Manifest Reality: Kant's Idealism and his Realism*. Oxford: Oxford University Press.
- Aristotle, 1933. *The Metaphysics*. Books I-IX. With an English Translation by H. Tredennik. London: William Heinemann LTD; New York: G. P. Putnam's Sons.
- Boer K. de, 2010. Pure Reason's Enlightenment: Transcendental Reflection in Kant's first Critique. *Kant Yearbook*, 2, pp. 53-73. <https://doi.org/10.1515/kant-tyb-2010-020103>
- Brook, A., 1994. *Kant and the Mind*. Cambridge & New York: Cambridge University Press.
- Brook A. and Wuerth J., 2023. Kant's View of the Mind and Consciousness of Self. In: E.N. Zalta and U. Nodelman, eds. 2023. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2023 Edition)*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/kant-mind/> [Accessed 11 December 2024].

Кант И. Письма к М. Герцу от 21 февраля 1772 г. // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980в. С. 526–533.

Кант И. Письма к М. Герцу, конец 1773 г. // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980г. С. 533–536.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 5–152.

Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М. : Наука, 1999.

Катречко С. Н. Кантовская когнитивная модель ума // Трансцендентальный поворот в современной философии – 7. Эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект : сб. тез. междунар. науч. конф. Москва, 21–23 апреля 2022 г. М. : РГГУ, 2022. С. 15–19.

Мамардашвили М. К. Феноменология – сопутствующий момент всякой философии // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М. : Прогресс-Культура, 1992. С. 100–106.

Мёдова А. А. К вопросу о трансцендентальной корреляции разума и реальности: онтологический ракурс // Трансцендентальный поворот в современной философии (3): природа (специфика) трансцендентальной философии : сб. тез. междунар. науч. семинара (Москва, 19–22 апреля 2018 г.). М. : Фонд ЦГИ ; ГАУГН-Пресс, 2018. С. 52–54.

Соболева М. Е. Аналитическое кантоведение, трансцендентальный идеализм и вещь в себе // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 4. С. 88–99.

Уайтхед А. Приключения идей // Уайтхед А. Избр. работы по философии. М. : Прогресс, 1990. С. 389–702.

Эйнштейн А. Физика и реальность // Собр. науч. тр. : в 4 т. М. : Наука, 1967. Т. 4. С. 200–226.

Allais L. Manifest Reality: Kant's Idealism and his Realism. Oxford : Oxford University Press, 2015.

Boer K. de. Pure Reason's Enlightenment: Transcendental Reflection in Kant's first Critique // Kant Yearbook. 2010. Vol. 2. P. 53–73. <https://doi.org/10.1515/9783110222937.53>.

Brook A. Kant and the Mind. Cambridge ; N.Y. : Cambridge University Press, 1994.

Brook A., Wuerth J. Kant's View of the Mind and Consciousness of Self // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2023 Edition) / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/kant-mind/> (дата обращения: 11.12.2024).

Catren G. A Plea for Narcissus: On the Transcendental Reflexion $\wedge$ Refraction Mediation Tandem // The Legacy of Kant in Sellars and Meillassoux. Analytic and Continental Kantianism / ed. by F. Gironi. N.Y. : Routledge, 2018. P. 155–170.

Catren, G., 2018. A Plea for Narcissus: On the Transcendental Reflexion $\wedge$ Refraction Mediation Tandem. In: F. Gironi, ed. 2018. *The Legacy of Kant in Sellars and Meillassoux. Analytic and Continental Kantianism*. New York: Routledge, pp. 155-170.

Cohen, J., 2018. A Speculating the Real: On Quentin Meillassoux's Philosophical Realism. In: F. Gironi, ed., 2018. *The Legacy of Kant in Sellars and Meillassoux. Analytic and Continental Kantianism*. New York: Routledge, pp. 171-178.

Einstein, A., 1936. Physics and Reality. *The Journal of the Franklin Institute*, 221, pp. 349-382. [https://doi.org/10.1016/S0016-0032\(36\)91047-5](https://doi.org/10.1016/S0016-0032(36)91047-5)

Hanna, R., 2001. *Kant and the Foundations of Analytic Philosophy*. Oxford: Clarendon Press.

Husserl, E., 1989. *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy: Second Book, Studies in the Phenomenology of Constitution*. Translated by R. Rojcewicz and A. Schuwer. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1999. *Correspondence*. Translated and edited by A. Zweig. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2001. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science, with Kant's letter to Marcus Herz, February 27, 1772*. The P. Carus translation extensively revised by J. W. Ellington. Indianapolis & Cambridge: Hackett.

Katrechko, S. N., 2022. Kantian Cognitive Model of the Mind. In: S. N. Katrechko, ed. 2022. *Transcendental Turn in modern Philosophy – 7. Epistemology, Cognitive Science and Artificial Intelligence. Proceedings of the International Workshop. Moscow, April 21-23, 2022*. Moscow: RGGU, pp. 15-19. (In Rus.)

Mamardashvili, M. K., 1992. Phenomenology – A Concomitant Feature of All Philosophy. In: M. K. Mamardashvili, 1992. *Kak ya ponimaiu filosofiyu [How I Understand Philosophy]*. Moscow: Progress-Kul'tura, pp. 100-106. (In Rus.)

Manoussakis, J. P., 2019. Sacred Addictions: On the Phenomenology of Religious Experience. *Journal of Speculative Philosophy*, 33(1), pp. 41-55.

Mazijk, C. van, 2020. *Perception and Reality in Kant, Husserl, and McDowell*. New York: Routledge.

Medova, A. A., 2018. On the Question of the Transcendental Correlation of Mind and Reality: An Ontological Perspective. In: S. N. Katrechko, ed. 2018. *Transcendental Turn in modern Philosophy – 3. Nature (Specificity) of Transcendental Philosophy. Proceedings of the International Workshop. Moscow, April 21–23, 2018*. Moscow: Fond CGI; SHAU-Press, pp. 52-54. (In Rus.)

Cohen J. A Speculating the Real: On Quentin Meillassoux's Philosophical Realism // The Legacy of Kant in Sellars and Meillassoux. Analytic and Continental Kantianism / ed. by F. Gironi. N. Y. : Routledge, 2018. P. 171–178.

Hanna R. Kant and the Foundations of Analytic Philosophy. Oxford : Clarendon Press, 2001.

Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. II : Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution (HUA IV). Den Haag : Nijhoff, 1952.

Manoussakis J. P. Sacred Addictions: On the Phenomenology of Religious Experience // Journal of Speculative Philosophy. 2019. Vol. 33, № 1. P. 41–55.

Mazijk C. van. Perception and Reality in Kant, Husserl, and McDowell. N. Y. : Routledge, 2020.

Meillassoux Q. After Finitude. An Essay on the Necessity of Contingency. L. ; N. Y. : Continuum, 2008.

Paton H. J. Kant's Metaphysic of Experience. A Commentary on the First Half of the *Kritik der reinen Vernunft* : in 2 vols. L. : George Allen & Unwin Ltd, 1936. Vol. 2.

Strawson P. F. The Bounds of Sense: An Essay on Kant's *Critique of Pure Reason*. L. ; N. Y. : Routledge, 1966.

Van Cleve J. Problems from Kant. N. Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1999.

Ypi L. The Architectonic of Reason: Purposiveness and Systematic Unity in Kant's *Critique of Pure Reason*. Oxford : Oxford University Press, 2021.

Об авторе

Анастасия Анатольевна Мёдова, доктор философских наук, доцент, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнёва, Красноярск, Россия; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0637-6741>

E-mail: amedova@list.ru

Для цитирования:

Мёдова А. А. Проблема единства опыта: трансцендентальный ракурс // Кантовский сборник. 2025. Т. 44, № 2. С. 7–35.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-2-1>

© Мёдова А. А., 2025.

Meillassoux, Q., 2008. *After Finitude*. An Essay on the Necessity of Contingency. London; New York: Continuum.

Paton, H. J., 1936. *Kant's Metaphysic of Experience. A Commentary on the First Half of the Kritik der reinen Vernunft, in Two Volumes. Volume 2*. London: George Allen & Unwin Ltd.

Soboleva, M. E., 2017. Analytical Kant Studies, Transcendental Idealism, and the Thing in Itself. *Kantian Journal*, 36(4), pp. 88-99.

Strawson, P. F., 1966. *The Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason*. London & New York: Routledge.

Van Cleve, J., 1999. *Problems from Kant*. New York & Oxford: Oxford University Press.

Ypi, L., 2021. *The Architectonic of Reason: Purposiveness and Systematic Unity in Kant's Critique of Pure Reason*. Oxford: Oxford University Press.

Whitehead, A. N., 1961. *Adventures of Ideas*. New York: The Free Press.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Anastasia A. Medova, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russia; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.

E-mail: amedova@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0637-6741>

To cite this article:

Medova, A. A., 2025. The Problem of the Unity of Experience from the Transcendental Perspective. *Kantian Journal*, 44(2), pp. 7-35.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2025-2-1>

© Medova A. A., 2025.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))